

0039

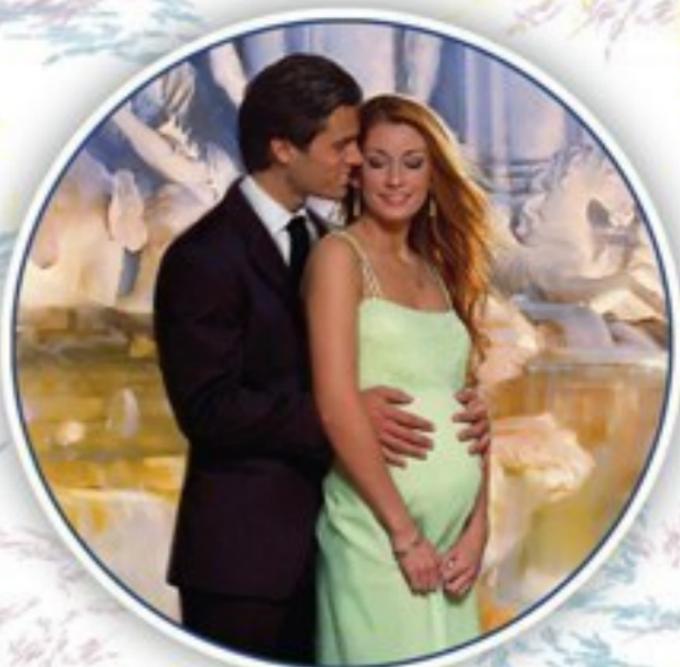

ЦЕНТРПОЛИГРАФ

HARLEQUIN®

Люси Тордон

НЕЖДАННО-НЕГАДАННО

Погаря себе .серму

ЛЮБОВНЫЙ РОМАН

Люси Гордон
Нежданно-негаданно
Серия «Братья Ринуци», книга 7
Серия «Любовный роман
– Harlequin», книга 39

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=589315
Нежданно-негаданно: Центрполиграф; Москва; 2010
ISBN 978-5-227-02365-0

Аннотация

Сперва Ферн казалось, что ее новый знакомый Данте Ринуччи – беззаботный весельчак, живущий одним днем. Однако вскоре она понимает: он скрывает какую-то тайну. Удастся ли Ферн убедить Данте, что любовь – это сила, с которой не может не считаться даже безжалостная судьба?..

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	21
Глава 3	37
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Люси Гордон

Нежданно-негаданно

Глава 1

Гудели клаксоны, вспыхивали в темноте огни, а Ферн сидела, стиснув руки, пока такси пробивало себе дорогу в движущемся черепашьими темпами потоке транспорта.

– О нет! Я опоздаю. Пожалуйста!

– Я стараюсь как могу, синьорина, – отозвался водитель. – Движение здесь просто сумасшедшее.

– Да я знаю, что вы не виноваты! – воскликнула она. – Но у меня билет на ночной поезд до Неаполя. Он отходит через четверть часа.

Водитель усмехнулся:

– Будьте спокойны. Я уже двадцать лет работаю в Милане, и мои пассажиры никогда не опаздывают на свои поезда.

Через десять минут наконец показался вычурный фасад центрального железнодорожного вокзала Милана. Когда Ферн выпрыгнула из такси и расплатилась с водителем, к ней подскочил носильщик.

– Поезд на Неаполь, – выдохнула она.

Они неслись по платформе на безумной скорости. Неожиданно Ферн споткнулась и упала прямо под ноги носильщи-

ку, который, в свою очередь, тоже упал.

Ей захотелось громко взвыть от отчаяния. Надо же случиться такому в последний момент!

Но – о чудо! – чьи-то руки схватили ее, впихнули в вагон, а следом за ней и чемоданы. Дверь захлопнулась.

– *Stai bene?* – произнес мужской голос.

– Извините, я не говорю по-итальянски, – ответила Ферн, запыхавшись.

– Я спросил, все ли с вами в порядке, – повторил незнакомец по-английски.

– Да, но... О боже! Мне надо было дать что-нибудь бедняге носильщику.

– Предоставьте это мне.

Мужчина просунул в окно деньги, которые носильщик с благодарностью схватил на бегу. Поезд уже набирал скорость.

Теперь у Ферн появилась возможность рассмотреть своего спасителя. Он был хорош до невозможности. Лет тридцати с небольшим, высокий и внушительный. Косая сажень в плечах. Волосы цвета воронова крыла. Ярко-голубые живые глаза. Такие красавцы встречаются исключительно на страницах романа.

Вдобавок ко всему он бросился ей на выручку, словно герой мелодрамы. Это уже слишком!

Мужчина тоже окинул Ферн взглядом, несомненно отметив ее стройную фигуру и медово-рыжие волосы. Без тщет-

славия, но и без ложной скромности она считала себя привлекательной.

– Я возьму вам эти чаевые, разумеется, – сказала Ферн.

В коридоре появилась пожилая дама, седовласая, стройная и элегантная.

– Вы не ушиблись, моя дорогая? – спросила она.

– Нет, я в порядке, просто немного потрясена.

– Данте, пригласи девочку в наше купе.

– Хорошо, тетя Хоуп. Ты проводи ее, а я возьму чемоданы.

Женщина мягко взяла Ферн под руку и повела в купе, где их встретил симпатичный немолодой мужчина.

– Судя по всему, думаю, вы англичанка, – заметила она с очаровательной улыбкой.

– Да, меня зовут Ферн Эдмундс.

– Я тоже англичанка. По крайней мере родилась в Англии. Теперь я синьора Хоуп Ринуччи. Это мой муж Тони, а молодой человек – наш племянник, Данте Ринуччи.

Именно в этот момент Данте внес чемоданы, засунул их под сиденья, потом сел, потирая руку выше локтя.

– Ты ушибся? – спросила обеспокоенная Хоуп.

Он поморщился:

– Во всем виновато узкое окно, в которое я просунул руку с деньгами. Теперь, вероятно, всю жизнь придется проходить с синяками. – Он улыбнулся. – Да я шучу. Перестань нервничать. Это наша новая знакомая нуждается в заботе. Платформа такая жесткая!

– Что правда, то правда, – печально согласилась Ферн, потирая колени.

– Хотите, я взгляну? – предложил Данте, протягивая руку.

– Нет, не хочет, – ответила за девушку Хоуп, решительно пресекая поползновения племянника. – Веди себя прилично. Сходи-ка в вагон-ресторан и закажи что-нибудь для Ферн. – И строго добавила: – Вы оба.

Как послушные маленькие мальчики мужчины встали и ушли. Хоуп усмехнулась:

– Ну, синьорина... Вы ведь синьорина?

– Синьорина Эдмундс. Но, пожалуйста, зовите меня Ферн. После того, что ваша семья сделала для меня, давайте без церемоний.

– Хорошо. В таком случае...

Послышался стук в дверь, и заглянул проводник.

– Ах да, нужно застелить постели, – сказала Хоуп. – Ферн, давайте присоединимся к мужчинам.

В коридоре синьора Ринуччи поинтересовалась:

– А где ваше спальное место?

– У меня его нет, – призналась Ферн. – Я заказала билет в последнюю минуту, и спальных мест уже не было.

Тем временем они добрались до вагона-ресторана, где Тони и Данте заняли столик. Данте встал и любезно отодвинул для нее стул рядом с собой.

– Вон билетный контролер, – сообщила Хоуп. – Давайте уладим формальности, прежде чем приступим к еде. Воз-

можно, местечко для вас все же найдется.

Ферн лихорадочно рылась в своей сумке.

– Ничего нет, – наконец прошептала она. – Ни денег, ни билета... Должно быть, они выпали, когда я растянулась на платформе. И паспорта тоже нет! – ахнула девушка. – Мне надо возвращаться.

– Поезд следует до Неаполя без остановок.

– Его остановят, чтобы вышвырнуть меня, – горько усмехнулась Ферн.

– Подождите, давайте посмотрим, что тут можно сделать.

Тони заговорил с контролером по-итальянски. Обменявшись с ним несколькими фразами, он достал свою кредитную карточку.

– Вам выдают другой билет, – пояснила Хоуп.

– Ох, вы так добры. Я все верну, обещаю.

– Об этом потом. Сначала надо найти для вас место.

– Это легко, – заметил Данте. – Мое купе двухместное, а я еду один, поэтому...

– Поэтому Тони отправится к тебе, а Ферн пойдет со мной, – закончила за него Хоуп, просяив. – Какая великолепная мысль!

– Вообще-то, тетя, я думал...

– Догадываюсь, о чем ты думал, и тебе должно быть стыдно.

– Да, тетя. Как скажете, тетя.

И он подмигнул Ферн. Одна лишь мысль о том, что этот

красивый, уверенный в себе мужчина поступает так, как ему велено, развеселила ее. А его покорный вид был столь откровенно притворным, что она не сдержала улыбку.

Контролер обменялся с Тони еще несколькими фразами, потом кивнул и поспешил прочь.

– Он сейчас же свяжется с вокзалом и попросит поискать ваши вещи, – сообщил Тони. – Хорошо, что вы быстро обнаружили пропажу. Есть надежда, что все найдут. Но на всякий случай следует заблокировать кредитки.

– А как я могу сделать это отсюда? – озадаченно протянула Ферн.

– Британское консульство вам поможет. – Он достал мобильный телефон.

Через несколько минут Тони заполучил «горячий» номер консульства в Милане, набрал его и вручил трубку Ферн.

Дежурный в консульстве, в свою очередь, быстро нашел телефоны банков. Ферн обещали аннулировать кредитные карты и выдать новые.

– Не знаю, что бы я без вас делала, – горячо поблагодарила она своих новых друзей. – Когда подумаю, что могло со мной случиться...

– Не волнуйтесь, – посоветовала Хоуп. – Все будет хорошо. А вот и официант с заказом. Гм... пирожные и вино – это замечательно, но я бы хотела выпить чаю.

– Английский чай, – сделал Тони заказ официанту.

Чай был великолепен, как и пирожные, которые все друж-

но переложили на тарелку Ферн.

– Когда вы в последний раз ели? – поинтересовалась Хоуп.

– Как следует? О, довольно давно. Я сначала ехала поездом из Лондона в Париж, потом из Парижа в Милан. Несколько дней провела в Милане, ходила по магазинам и осматривала достопримечательности. Собиралась остаться еще на одну ночь и уехать завтра, но внезапно передумала, упаковала вещи и побежала.

– Вот как надо жить! – воскликнул Данте. – Сегодня здесь, завтра там, и пусть жизнь принесет тебе то, что принесет. – Он взял руку Ферн и заговорил с театральным пылом: – Синьорина, вы женщина моей мечты. Больше чем женщина – богиня с уникальным пониманием жизни. Я приветствую вас... Почему вы смеетесь?

– Извините, – выдавила Ферн. – Не могу слушать эту белиберду с серьезным лицом.

– Белиберда? Это что, какое-то новое английское слово?

– Нет, – с улыбкой информировала его тетя. – Это старое английское слово, и оно означает, что тебе требуется иной сценарий.

– Но только для меня, – усмехнулась Ферн. – Полагаю, с другими он прекрасно срабатывает.

Данте изобразил возмущение:

– С другими? Неужели вы не понимаете, что вы единственная, кто вдохновил меня положить сердце к вашим ногам? Единственная... Ох, ну ладно. Обычно я встречаю луч-

ший прием.

Это рассмешило всех.

– Приятно встретить леди, склонную к авантюрам, – добавил он. – Но, полагаю, такой вы становитесь только во время отпуска. А потом вы вернетесь в Англию, к своей степенной жизни и своему степенному жениху.

– Если бы у меня был жених, разве я оказалась бы здесь одна? – возмутилась Ферн.

Это заставило его задуматься, но только на мгновение.

– Он предал вас, – провозгласил Данте. – Вы решили проучить его. Когда вернетесь, он будет ревновать, особенно если увидит наши с вами компрометирующие снимки.

– О, неужели? И откуда же возьмутся эти снимки?

– Я знаю парочку хороших фотографов.

– Держу пари, вы не знаете никого лучше, чем я, – парировала Ферн.

– Вы фотограф? – спросила Хоуп. – Журналист?

– Нет, я работаю в театре.

Данте иронично хмыкнул.

– Оставь бедную девочку в покое, – укорила племянника Хоуп.

Она носилась с Ферн как курица с яйцом. В конце концов синьора Ринуччи объявила, что пора спать. Они вчетвером проделали обратный путь, пожелали друг другу спокойной ночи и расстались.

Когда Ферн стала вешать свои брюки, несколько монет

высыпались на пол.

– Я и забыла, что у меня в кармане есть немного денег, – сказала она, подбирая их.

– Три евро, – заметила Хоуп. – С этим вы бы далеко не уехали.

Они с удовольствием попивали чай, который захватили с собой.

– Вы англичанка, – вспомнила Ферн, – а разговариваете так, словно прожили здесь очень долго.

– Больше тридцати лет, – поведала Хоуп.

– А дети у вас есть?

– Шестеро. Все сыновья.

– А вам никогда не хотелось иметь дочерей?

Хоуп усмехнулась:

– Когда у тебя шестеро сыновей, то нет времени думать о чем-либо еще. Кроме того, у меня шесть невесток и семь внуков. Когда несколько месяцев назад женился наш младший сын, мы с мужем решили отправиться в путешествие, а теперь возвращаемся домой. Данте – сын Таддео, старшего брата Тони, ныне покойного, и он едет к нам в Неаполь погостить. Он немножко сумасшедший. Вы это поймете, пока будете жить у нас.

– Я не могу навязываться вам и дальше.

– Моя дорогая, у вас нет ни денег, ни паспорта!

– Мне ужасно не хочется обременять вас.

– Но для меня ваше присутствие будет в радость. Мы смо-

жем поговорить об Англии. Я люблю Италию, но скучаю по родине, а вы расскажете мне о ней.

– Вы меня уговорили.

– Мне бы очень хотелось, чтобы вы пожили у нас подольше. А сейчас пора ложиться спать.

Хоуп легла на нижнюю полку, Ферн забралась на верхнюю, и через несколько минут в купе воцарилась тишина.

Ферн лежала, прислушиваясь к стуку колес. Казалось, прошло совсем мало времени с тех пор, как она приняла импульсивное решение уехать из Англии. И вот она здесь, без средств, без документов, зависит от чужих людей. Молодая женщина размышляла о странных перипетиях своей судьбы в последнее время, однако мерное покачивание вагона ублажало ее, и она уснула.

Проснувшись, Ферн обнаружила, что ужасно хочет пить, и припомнила, что бар, кажется, работает всю ночь. Она быстро спустилась вниз и нашарила в темноте халат. Трех евро должно хватить. Затаив дыхание и стараясь не разбудить Хоуп, Ферн тихонько вышла в коридор и направилась к вагону-ресторану.

Ей повезло. Бар был открыт, а бармен клевал носом.

– Бутылку минеральной воды, пожалуйста, – с облегчением сказала она. – О бог мой, четыре евро! А маленькой у вас нет?

– Боюсь, последняя маленькая бутылка продана, – извиняющимся тоном проговорил бармен.

– О нет! – Это походило на возглас отчаяния.

– Я готов помочь, – послышался голос позади нее.

Ферн повернулась и увидела Данте.

– Я выклянчиваю деньги, – простонала она. – Опять! Просто умираю от жажды.

– Тогда позвольте мне купить вам шампанского.

– Нет, спасибо, только минералку.

– Шампанское лучше. – Это был тон мужчины, нацелившегося на флирт.

– Вода лучше, когда хочется пить. – Ферн твердо стояла на своем.

– Значит, мне не удастся переубедить вас?

– Нет, – отрезала она, начиная злиться. – Спокойной ночи.

– Прошу прощения, – тут же извинился Данте. – Не сердитесь на меня, я, как всегда, шучу. – Обращаясь к бармену, он добавил: – Дайте даме все, что она захочет, а мне виски.

Он обнял девушку за талию, прикасаясь легко, но не позволяя сбежать, и повел к столику у окошка. Когда подошел бармен, Ферн схватила бутылку воды и стала жадно пить.

– Вот так лучше, – проговорила она наконец, слегка запыхавшись. – Это мне следует извиниться. У меня отвратительное настроение, но мне не следовало грубить вам.

– Вы не любите зависеть от кого-либо? – догадался он.

– Попрошайничать, – уточнила она с отвращением.

– Не попрошайничать, – мягко поправил Данте, – а позволить своим друзьям помочь вам.

– Я верну вам все до пенни, – поклялась Ферн.

– Не будьте занудой. У вас, похоже, немного сумбурный отпуск, – заметил он. – Долго его планировали?

– Вообще не планировала, просто побросала вещи в чемодан и понеслась.

– Звучит интригующе. Значит, вы фотограф... – Данте замолчал, явно надеясь на ответ.

– Я специализируюсь на театре и фоторекламе... – И неожиданно Ферн продолжила: – А он – актер, играет главную роль в пьесе. Или, по крайней мере, играл, пока не...

– Не умолкайте! – взмолился он. – Как раз сейчас начнется самое интересное.

– Я фотографировала. У нас были отношения и... Ну, я не требовала вечной верности, однако ожидала полного внимания с его стороны, пока мы вместе.

– Резонное желание, – серьезно заметил ее собеседник.

– Так и я считала, но одна актриса начала строить ему глазки. Думаю, она рассматривала его главным образом как человека, который поможет ей сделать карьеру. Впрочем, не знаю. По правде говоря, он очень красив.

– И известен? – поинтересовался Данте.

– Сандор Джейли.

Он удивился:

– Я на днях видел один фильм с участием Джейли по телевизору. Говорят, его ждет великий успех. – Он торжественно продекламировал: – Мужчина, о чьих объятиях мечтает

любая женщина, один лишь взгляд которого...

– Ох, замолчите! – взмолилась Ферн, расхохотавшись. – Я не могу слушать подобную чушь без смеха, что, бывало, здорово раздражало Сандора.

– Он воспринимал это всерьез?

– Да. Впрочем, он довольно привлекателен.

– Хорош собой?

– Ослепительная улыбка, бездна обаяния. В общем, обычная чепуха. Ничего особенного на самом деле.

– Да, не слишком много, – согласился Данте.

Он вдруг зевнул, повернулся и поставил одну ногу на сиденье рядом с собой, на колено положил руку и откинул голову назад. Ферн разглядывала Данте, оценивая расслабленную грацию мускулистого тела. Рубашка его была расстегнута у горла. Иссиня-черные волосы были чуть длинноваты.

Лицо его не просто красиво, но интригующе, черты правильные, четкие, словно вылепленные прекрасным скульптором, а во взгляде светится острый, насмешливый ум.

«Необычный», – подумала Ферн, оценивая его как профессионал. Всегда готов сделать или сказать что-то неожиданное. Вот что она постаралась бы уловить, если б фотографировала его.

Внезапно он взглянул на нее, и в глазах его замерцали искорки.

– Расскажите поподробнее, – попросил Данте.

– С чего начать? – Ферн вздохнула. – С того момента, ко-

гда я, как дура, витала в облаках, или когда он был шокирован моей «беспринципной вульгарностью»?

Данте встрепенулся:

– Беспринципная и вульгарная? Это интересно. Не оставляйтесь.

– Я познакомилась с Томми, когда меня пригласили сделать фотографии спектакля.

– Томми?

– Его настоящее имя Томми Виггс.

– Понимаю, почему он сменил его. Но я хочу знать, каким образом вы оказались беспринципной и вульгарной.

– Для этого вам придется немножко подождать.

– Я весь внимание.

– Так на чем я остановилась? Ах да, снимки. Он, по-видимому, задался целью влюбить меня в себя, считая, что это добавит нечто особенное его фотографиям. Поэтому Томми пригласил меня на обед и ослепил.

– И вы попались на удочку актерского обаяния? – уточнил Данте, слегка нахмурившись, словно ему трудно было в это поверить.

– Нет, Томми оказался умнее. Он здорово сыграл, заверив меня, что наконец-то стал самим собой, Томми Виггсом. Он попросил, чтобы я называла его настоящим именем, так как Сандор – для публики. В душе же он простой парень. – И она добавила:

– По мне, это несколько тошнотворно, но в тот вечер все

было очаровательно. Дело в том, что Томми создан для того, чтобы быть киноактером. Он производит большое впечатление именно на крупных планах, и чем ближе, тем лучше.

– И он позаботился, чтобы вы стали как можно ближе?

– Не в тот вечер, – пробормотала Ферн, – но в конце концов – да.

Она замолчала, вспоминая моменты, которые в свое время казались милыми, а в ретроспективе выглядели нелепо. Да, она легко влюбилась и очень рада, что теперь все это в прошлом.

Данте пристально наблюдал за ней, и глаза его потемнели. Он поднял руку, подзывая бармена, и Ферн неожиданно обнаружила, что Данте наливает ей в бокал шампанское.

– Чувствую, что вы все-таки в нем нуждаетесь, – заявил он.

– Да, – пробормотала она, – пожалуй.

– Так что же киноактер делал в театре? – полюбопытствовал Данте.

– Он чувствовал, что люди не воспринимают его всерьез.

– Да поможет нам Бог! Еще один! Они делают карьеру на своей конфетной внешности и при этом хотят, чтобы их уважали.

– В самую точку, – усмехнулась Ферн. – Вы уверены, что не знаете его?

– Нет, но встречал много подобных. Некоторые дома из тех, что я продаю, принадлежат людям такого типа – само-

влюбленным, занятым исключительно своей особой.

– Именно. Кто-то убедил Томми, что, если он сыграет в шекспировской пьесе, все будут потрясены, поэтому он согласился на главную роль в «Антонии и Клеопатре».

– Он играл Антония, великого любовника?

– Да. Но, думаю, его больше привлекал тот факт, что Антоний жил в Древнем Риме. Это позволяло Томми носить короткие туники и демонстрировать свои голые ноги. У него очень красивые ноги. Он даже заставил костюмеров укоротить тунику на пару дюймов, чтобы продемонстрировать бедра.

Данте расхохотался.

– Текст пришлось очень сильно изменить, потому что он не мог запомнить длинные монологи, – улынулась Ферн. – Кстати, по его требованию роль Клеопатры сократили еще больше.

– Чтобы она не привлекала к себе слишком много внимания? – высказал предположение Данте.

– Верно. Томми не намерен был это допустить.

– Не думаю, что ваше сердце так уж разбито, – заметил он, по-прежнему пристально глядя на нее.

– Разумеется, нет, – быстро отозвалась Ферн. – Это было смешно, ей-богу. Просто шоу-бизнес. Или жизнь.

– Что вы имеете в виду?

– Вся жизнь – спектакль того или иного рода. Каждый из нас живет, притворяясь, что нечто есть правда, хотя не яв-

ляется таковой, или наоборот.

Странный блеск появился в его глазах, словно в ее словах заключался какой-то особый смысл. Казалось, Данте хотел что-то сказать, но потом передумал. У Ферн создалось впечатление, что уголок занавеса, скрывающего его душу, чуть приоткрылся и тут же поспешно упал.

Итак, он не просто обаятельный весельчак и балагур. Истинный Данте прячется от мира и не подпускает к себе никого. Заинтригованная Ферн гадала, легко ли проникнуть за его оборонительные рубежи.

И в следующую секунду получила ответ.

Увидев, что Ферн наблюдает за ним, Данте закрыл глаза, полностью отгораживаясь от нее.

Глава 2

Однако следующую фразу он произнес легко и непринужденно:

– Что-то вы увлеклись философией.

– Прошу прощения, – пробормотала Ферн.

– Вы имели в виду себя, когда сказали, что каждый живет, отказываясь признавать правду правдой?

– Ну, честно говоря, я догадывалась, что девица положила на него глаз и что он обязательно купится на лесть. Но тем не менее, придя в театр и застав их вместе, я испытала шок.

– Чем они занимались?.. Или мне не стоит спрашивать?

– Стоит, не стоит... Они расположились прямо на сцене, на гробнице Клеопатры, не замечая никого и ничего. Она говорила: «О, ты настоящий Антоний – великий герой!»

– И полагаю, они были... – Данте сделал деликатную паузу, – раздеты?

– Ну, он был в тунике. Заметьте, это почти одно и то же.

– А что сделали вы? – полюбопытствовал он. – Ведь не уползли же в слезах. На вас это не похоже. Наверняка подошли и врезали ему.

– Ни то ни другое. – Ферн помолчала для пушщего эффекта. – Даже не осмеливаюсь рассказать, что я сделала.

– Мы подошли к тому эпизоду, где вы проявили беспринципность и вульгарность? – с надеждой поинтересовался

ся Данте.

– Да.

– Не томите меня.

– Ну, я повсюду ношу с собой фотоаппарат...

Хохот Данте эхом разнесся по вагону, разбудив дремлющего бармена.

– Не может быть, чтобы вы...

– Именно. Снимки получились просто чудо. Я сфотографировала парочку во всех возможных ракурсах.

– И он вас не заметил?

– Он был спиной ко мне, – пояснила Ферн. – Лицом вниз.

– А, ну да, естественно. А как же она?

– Она, разумеется, меня видела. И ей это понравилось. А потом я, злая как черт, поехала напрямик в редакцию газеты, которая специализируется на такого рода вещах, и продала все снимки.

Он потрясенно воззрился на нее:

– Неужели?

Данте уважал ее все больше и больше. Женщина, которая отреагировала на предательство возлюбленного не слезами и упреками, а весьма оригинальной мстью, – такая женщина ему по душе.

– Что было дальше? – спросил он.

– После публикации снимков все билеты на спектакль были немедленно раскуплены. Актрисуля дала интервью, поведав, какой он неотразимый, а ему предложили роль в новом

фильме. Тогда Томми отказался от роли Антония, что взбесило Джоша, директора. Однако дублер, заменивший его, получил восторженные отклики. А он был бойфрендом Джоша, поэтому в итоге все были счастливы.

– Все, кроме вас. Что получили вы?

– Газета заплатила мне кругленькую сумму.

– Вам пришлось стать прагматичной, – заметил он.

– Именно. Майк – это мой агент – сказал, что некоторые люди всю жизнь ждут такой удачи, какая выпала мне. Я всегда мечтала побывать в Италии. Правда, пришлось подождать пару месяцев, потому что на меня посыпались заказы. Не знаю почему.

– Распространились слухи о ваших способностях, – предположил Данте.

– Да, должно быть. Наконец я побросала вещи в чемодан, запрыгнула в ближайший поезд до Парижа, а там пересела на миланский экспресс. Несколько дней я осматривала город, потом внезапно решила отправиться в Неаполь. Был уже поздний вечер, и разумный человек подождал бы до утра. Поэтому я ждать не стала.

Данте понимающе кивнул:

– Радость что-то делать под влиянием момента! Что может быть лучше этого?!

– Я всегда была человеком организованным, возможно, слишком организованным. Так почему бы немножко не побезумствовать? – Ферн усмехнулась. – Но у меня это не

слишком хорошо получается, да?

– Ничего страшного. Попрактикуетесь, и все будет тип-топ.

– О нет! Это мое единственное безумство.

– Глупости, просто вы новичок. Позвольте мне познакомить вас с радостями бытия, в котором каждый миг – словно последний.

– Вы так живете?

Данте ответил не сразу.

– Да, я так живу. Это придает жизни остроту и вкус, которых не получить никаким иным путем.

Ферн заволновалась. В его тоне прозвучало нечто не вписывающееся в их легкомысленную болтовню. Судя по всему, они снова приблизились к запретной территории. И вновь она задалась вопросом, что же скрывается за опасной чертой. Пытаясь вызвать Данте на откровенность, женщина задумчиво проговорила:

– Никогда не знаешь, что произойдет дальше... Полагаю, я – живое доказательство того, что это может сделать жизнь интересной. Проснувшись сегодня утром, я и представить себе не могла, как закончится этот день.

– Как вы могли представить, что встретите одного из героев этой страны? – весело поинтересовался он. – Человека настолько великого, что его портрет красуется на монетах.

Наслаждаясь изумлением Ферн, Данте вытащил монету в два евро. Профиль с резко очерченным носом и в самом деле

имел с ним легкое сходство.

– Ну конечно! – воскликнула она. – Данте Алигьери, прославленный поэт. Вас назвали в его честь?

– Да. Моя мама надеялась, что такое имя может и меня сделать великим.

– Никто из нас не застрахован от разочарований, – торжественно провозгласила Ферн.

Судя по одобрительному блеску глаз, колкость он оценил.

– Много ли вы знаете о Данте? – поинтересовался тезка великого поэта.

– Не слишком. Он написал шедевр под названием «Божественная комедия».

– Вы читали? Я впечатлен.

– Только английский перевод, и с трудом дотянула до конца. – Она усмехнулась. – Ад и чистилище были гораздо интереснее рая.

Данте согласился:

– Я всегда считал, что рай не для меня. Все эти добродетели... – Он вздрогнул, затем повеселел. – К счастью, я едва ли там окажусь. Выпейте еще шампанского.

– Только чуть-чуть.

Мимо прогрохотал встречный поезд. Наблюдая за мелькающими огнями, Ферн представила Данте каким-нибудь магистром оккультных наук: он притягателен и более чем загадочен, потому что скрывает свою истинную сущность под очарованием.

– О чем вы думаете? – спросил он.

– Я гадала, из какой части потустороннего мира вы могли появиться.

– Даже не сомневайтесь, седьмой круг ада, – заявил Данте, вскинув бровь.

Она поняла. Седьмой круг предназначен для тех, кто чрезмерно предавался сладким грехам.

– Так и есть, – пробормотала Ферн.

Несколько минут они пили шампанское в молчании. Затем он сказал:

– Вы погостите у нас конечно же?

– По мнению Хоуп, у меня нет другого выхода, по крайней мере на ближайшие несколько дней.

– Дольше, намного дольше, – тут же возразил Данте. – Итальянская бюрократия нетороплива, но мы постараемся сделать ваше пребывание у нас приятным.

В его намерении нельзя было ошибиться. «Что ж, почему бы и нет?» – решила Ферн. Ее устраивает флирт с женщиной, который будет воспринимать его так же легко, как и она. Данте – привлекательный мужчина, интересный собеседник, и они оба знают, что к чему.

– Жду с нетерпением, – отозвалась она. – Вообще-то Хоуп хочет, чтобы я рассказала ей об Англии.

– Да, должно быть, ей не хватает общения с соотечественниками, – согласился Данте. – Но, заметьте, она всегда была одной из Ринуччи, и вся семья любит ее. Мои родители

умерли, когда мне было пятнадцать, и с тех пор она заменила мне мать.

– Вы живете с ними?

– Нет, я живу в Милане, но считаю, что в Неаполе большие возможности для бизнеса. Поэтому, осмотревшись, я могу там остаться.

– Чем вы занимаетесь?

– Недвижимостью. Специализируюсь на необычных строениях, старых домах, которые трудно продать.

Подняв глаза, Ферн увидела, что Данте устремил взгляд во тьму. Взгляд его был несколько отстраненным, словно он видел во мраке нечто такое, что скрыто от нее и тревожит его.

Он взглянул на нее, улыбнулся, неохотно поднялся и протянул ей руку:

– Пойдемте.

У двери в купе Данте остановился и мягко проговорил:

– Ни о чем не беспокойтесь. Обещаю, что все образуется. Спокойной ночи.

Ферн проскользнула в купе, двигаясь тихо, чтобы не разбудить спящую Хоуп. В один момент она поднялась по лестнице и улеглась на полке, размышляя о мужчине, с которым только что рассталась. Он безумно привлекателен, и она не против того, чтобы провести какое-то время в его обществе, если это будет ни к чему не обязывающий флирт.

Но долго предаваться размышлениям ей не пришлось.

Она быстро уснула.

На следующее утро они с трудом успели перекусить до прибытия в Неаполь. Хоуп нетерпеливо выглядывала в окно, гадая, кто из сыновей будет их встречать.

– Джастин в Англии, а Люк в Риме, – перечисляла она. – Карло на Сицилии и вернется только через пару дней. Значит, кто-то из оставшихся троих.

В конце концов оказалось, что все трое ждут на вокзале, весело приветствуя их. Они горячо обняли родителей, похлопали Данте по плечу и с интересом оглядели Ферн.

– Это Франческо, Рагьеро и Примо, – представил Тони. – Не пытайтесь сейчас определить, кто есть кто. Знакомство состоится позже.

– С Ферн приключилась неприятность, и она поживет у нас, пока все не утрясется, – сказала Хоуп. – А сейчас мне хочется поскорее домой.

Машин было две. Хоуп, Тони и Ферн ехали в первой. Всю дорогу до дома Хоуп с нетерпением поглядывала в окно, пока, наконец, не схватила Ферн за руку:

– Смотрите, вон вилла Ринуччи.

На вершине поросшего лесом холма стояла большая вилла, обращенная фасадом к Неаполю и морю. Это место, словно окутанное золотистыми лучами солнца, просто очаровало Ферн.

Когда они подъехали ближе, она увидела, что дом даже больше, чем ей показалось вначале. Какая-то пухленькая

женщина и две пышногрудые девушки вышли встречать путешественников.

– Это Елена, моя экономка, – объяснила Хоуп. – Девушки – ее племянницы. Они поработают здесь пару недель, потому что гостей ожидается много, и много детей, к моей огромной радости. Я позвонила Елене из поезда и попросила подготовить для вас комнату.

В следующую секунду машина остановилась, дверца распахнулась, и Ферн повели по ступенькам на террасу, опоясывающую дом, а потом и в дом.

– Почему бы вам сразу не подняться к себе в комнату? – предложила Хоуп. – Спуститесь, когда будете готовы. Тогда и познакомитесь с этими негодниками, которых я зову своими сыновьями.

«Негодники» улыбались от удовольствия по поводу возвращения своих родителей, и Ферн потихоньку удалилась, понимая, что семье Ринуччи хочется некоторое время побыть без посторонних.

Комната ее была роскошной, с отдельной ванной и широкой, удобной кроватью. Подойдя к окну, молодая женщина обнаружила, что из него открывается изумительный вид на Неаполитанский залив. Сейчас он был особенно красив: вода блестела, простираясь до самого горизонта и, казалось, предлагая бесконечные удовольствия и неведомые радости.

Она быстро приняла душ и переделалась в светло-голубое платье, простое, но модное.

Ферн услышала внизу смех и выглянула в сад. Семейство Ринуччи устроилось под деревьями, за простым деревянным столом. Все разговаривали и смеялись так дружно, что сердце ее вдруг наполнилось теплом.

Сама Ферн была единственным ребенком, ее отец и мать не имели братьев или сестер. Родители отца умерли рано, а мамыны эмигрировали в Австралию.

Теперь и папы не стало, а мама уехала в Австралию. Ферн тоже могла поехать, но предпочла остаться в Лондоне и делать карьеру. Поэтому приходилось винить только себя в том, что ей одиноко и что некому было поплакаться в жилетку, когда произошел разрыв с Сандором Джейли.

У нее, разумеется, есть приятельницы, с которыми она с удовольствием общается, но все они заняты карьерой, как и Ферн, и скорее склонны поздравить ее с успехом в работе, чем посочувствовать по поводу личных неурядиц. Она всегда возвращается в пустую квартиру, к тишине и воспоминаниям.

А вот вилла Ринуччи, судя по всему, никогда не пустует.

Хоуп заметила ее и помахала рукой, приглашая присоединиться к ним. Ферн с готовностью сбежала по лестнице. Когда она приблизилась к столу, мужчины встали со старомодной вежливостью, которую она нашла очаровательной. Данте взял ее за руку и подвел к остальным. Хоуп поднялась и поцеловала Ферн.

– Это та леди, которая присоединилась к нам в поезде.

Она немного погостит у нас, – сказала синьора Ринуччи.

Затем она начала представлять молодых людей: вначале Примо, затем Раггiero и Франческо. Все мужчины были высокими и черноволосыми. Черты лица Раггiero слегка напоминали его кузена Данте.

Франческо был погружен в себя, словно мысли его отягощены каким-то бременем. Он в свою очередь тепло приветствовал Ферн, но затем обратился к матери:

– Я, пожалуй, поеду. Хочу оказаться дома раньше Селии.

– А у нее не возникает подозрений насчет того, что ты постоянно опережаешь ее? – спросила Хоуп.

– Она твердит, чтобы я перестал, но... – Франческо пожал плечами. – Я все равно тороплюсь. – Обращаясь к Ферн, он добавил: – Моя жена слепая и ужасно сердится, если замечает, что я слишком опекаю ее, но я ничего не могу с собой поделать.

– Поезжай домой, – сказала Хоуп сыну. – Только не забудь о завтрашней вечеринке.

Он нежно обнял мать и уехал. Почти сразу же подъехала другая машина, из которой вылезли две молодые женщины. Одна была черноволосой и такой грациозной, что даже заметный животик не портил ее красоту. Другая, белокурая и очень хорошенькая, вела за руку прелестного карапуза.

– Это моя жена Олимпия, – сказал Примо, выводя беременную женщину вперед.

– А это моя жена Полли. – Раггiero указал на блондинку.

Тут Ферн разглядела, что Полли тоже беременна, месяцев пять примерно.

Приближалось время ленча. Хоуп пошла проверить, что готовит Елена, попробовать блюда и высказать свое мнение. К ней присоединились не только невестки, но и сыновья, которые смаковали яства и щедро давали советы – иногда слишком щедро, как заявила их мать.

– Значит, то, что говорят об итальянских мужчинах, правда, – заметила развеселившаяся Ферн.

– А что о нас говорят? – пробормотал Данте ей на ухо. – Умираю от любопытства.

– Ну как же, итальянцы – фантастические повара, разумеется. А вы что подумали?

Он разочарованно вздохнул:

– Нет, нет, ничего. Ну да, мы интересуемся кулинарией, в отличие от англичан, которым хватает бекона и овсянки. – Внезапно он пристально взгляделся в ее лицо. – Что такое? Почему вы забеспокоились?

– Возможно, пора позвонить в консульство. Вдруг у них уже появились какие-нибудь новости.

– Сегодня днем я отвезу вас в Неаполь, и мы навестим здешнее консульство, а они свяжутся с Миланом. А сейчас давайте забудем о скучной реальности и сосредоточимся на главном – получении удовольствия.

– Да, давайте, – с готовностью согласилась Ферн.

После ленча Данте, верный своему слову, взял машину

Тони и доставил молодую женщину в консульство.

Новости ее ждали неутешительные. Ни паспорта, ни кредитных карточек обнаружено не было.

– Похоже, кто-то их прикарманил, – предположил Данте. – Но, будем надеяться, вор не сможет ими воспользоваться.

– Мы готовы выписать временный паспорт, – сказала молодая сотрудница консульства. – Но это займет несколько дней. Вон там будка, где можно сфотографироваться.

– Нет надобности, я сам сфотографирую, – возразил Данте. Оглядев сумку Ферн, он добавил: – Если вы одолжите мне камеру.

Она достала фотоаппарат и вручила ему:

– Почему вы уверены, что я не потеряла и его?

– Женщина, которая запечатлела на пленку измену своего любовника, наверняка никогда не расстанется с фотоаппаратом.

Следующие несколько минут они провели на улице, и Ферн поворачивалась то так, то этак по команде Данте.

– Чуть-чуть спустите бретели топа, – велел он. – У вас красивые плечи, давайте покажем их. Хорошо. А теперь потрясите головой, чтобы волосы распушились.

– Для паспорта такие снимки не подойдут, – бросила Ферн.

Он ухмыльнулся:

– А кто говорит о снимках на паспорт? Может, у меня своя

коварная цель.

Вернувшись в здание, они показали результаты сотрудничества, которая просматривала их с терпением святого.

– Ничего не годится. Думаю, вам все же следует воспользоваться фотобудкой, – подвела она итог.

– Надо было сразу так сделать, – проворчала Ферн.

– Но тогда моя коварная цель не была бы достигнута, – легкомысленно возразил Данте. – Идемте и сделаем ваши фотографии, на которых вы будете выглядеть скучной и добродетельной.

– А вы намекаете, что я не скучная и не добродетельная?

– На какую часть вопроса вы хотите услышать ответ?

– Давайте просто поскорее покончим с этим, – поспешно проговорила она.

Когда формальности были улажены, Данте отвел Ферн в кафе на набережной и заказал по чашечке кофе.

– Если вам кажется, что вилла Ринуччи перенаселена, – сказал он, – советую не торопиться с выводами. Подождите до завтра, когда придут остальные члены семейства.

– Их довольно много, да?

– Совершенно верно, хотя не все живут поблизости. Люк с Минни приезжают из Рима. Джастин с Эви из Англии, вместе с Марком, сыном Джастина, и их близнецами.

Ужасная мысль поразила Ферн:

– А где они будут жить?

– На вилле, разумеется.

– Значит, я заняла чью-то комнату? Кому-то придется спать на диване, а я не могу это допустить. Мне надо уехать.

– И где вы остановитесь? В отеле? Без денег и документов?

– Ну, если бы вы одолжили мне денег, я бы все вернула...

Данте покачал головой:

– Извините, нет. Заверять служащих отеля, что вы лицо благонадежное, хотя на самом деле я о вас ничего не знаю, было бы крайне неприлично. А мы всегда должны вести себя прилично, не так ли?

Несмотря на свое смятение, Ферн не могла не рассмеяться.

– Вы, – проговорила она нарочито медленно, – не заметили бы приличие, даже если б оно подошло и щелкнуло вас по носу.

– Проклятье! – напыщенно воскликнул Данте. – Она видит меня насквозь. Ну ладно, признаюсь. Я намерен удерживать вас на вилле в качестве пленницы, покорной моей воле. Наличные помогут вам сбежать, и я не достигну своей порочной цели.

– Интересно, смогу ли я угадать вашу порочную цель? – сухо заметила Ферн.

– Вы всецело в моей власти.

– Мечтать не вредно, – усмехнулась она.

– Вот именно, человеку свойственно мечтать. – Данте многозначительно поглядывал на нее.

– Да мечтайте себе на здоровье, только не стоит смеши-

вать мечты с реальностью, – отозвалась молодая женщина. – И вы не ответили на мой вопрос. Чью комнату я занимаю?

Он промолчал.

– О нет, пожалуйста, только не говорите мне...

– Если хотите, мы можем разделить ее, – предложил он.

– Перестаньте, ради бога!

– Ну хорошо, хорошо, больше не буду. Нельзя ругать меня всего лишь за попытку.

– Можно и нужно.

– Если бы вы оказались на моем месте и сидели бы, как сижу я, любуясь прекрасной женщиной...

Она сдалась. Как можно вразумить мужчину, у которого в глазах отплясывают чертики?

Глава 3

– Если вы собираетесь отвергнуть меня, тогда мне придется утешаться теми снимками, которые я сделал, – заметил Данте.

– Я их удалила, – тут же сообщила Ферн.

– Как бы не так! Если вы сохранили доказательства измены своего любовника, то уж снимки, на которых вы выглядите как мечта любого мужчины, точно не стерли.

– Бога ради, перестаньте так разговаривать со мной.

– Почему?

Что ему ответить? Не объяснять же, что словесная перепалка с ним пробуждает в ней некое чувственное волнение.

Данте совершенно ясно дает понять, что его влечет к ней, но делает это легко и непринужденно. Ей приятно его общество, рядом с ним она может расслабиться. Ферн не сомневалась, что он прыгнул бы к ней в постель при первом же намеке. Ну а пока Данте Ринуччи вынужден молоть чепуху, дожидаясь благоприятного момента.

Интересно, сколько женщин побывало в его объятиях и чем все заканчивалось? Она подозревала, что Данте часто говорит девушкам «прощай», относясь к любви легко и не задерживаясь у одной пассии слишком долго. Но на самом деле в нем скрыты такие глубины, о которых не знает никто, – так подсказывала ей женская интуиция...

– Впрочем, если подумать... – Тон Данте изменился, стал будничным. Он полез в свой бумажник и протянул Ферн пачку банкнот. – Вы не можете обходиться совсем без денег.

– Но вы сказали, что не...

– Мы вернулись в реальный мир. У вас должно что-то быть. Возьмите.

Она поглядела на пачку:

– Так много? Нет, Данте, пожалуйста... Я не могу это взять. – Отделив несколько бумажек, Ферн попыталась вернуть ему остальные.

– Вы же не знаете, сколько вам может понадобиться, – твердо сказал Данте, отстраняя ее руку. – Кроме того, с деньгами вы будете независимы. Припрячьте их хорошенько. – Он говорил как школьный учитель.

– А как же насчет того, чтобы держать меня в плену? – поинтересовалась она, убирая деньги в сумочку. – Моя независимость не способствует достижению вашей коварной цели.

– Верно, – задумчиво протянул он. – С другой стороны, ничто из того, что завоевывается силой, не приносит удовольствия. Лучше, когда женщина сама стучит в дверь и заявляет, что больше жить не может без твоих пылких объятий. Так гораздо интереснее.

– А вы полагаете, я поступлю именно так?

Данте, казалось, задумался.

– Нет, вы скорее пойдете на костер, чем уступите хоть дюйм. Но, как я уже говорил, человек имеет право помеч-

тать.

Между ними воцарилось полнейшее шутовское понимание.

Потом они не спеша поехали обратно на виллу, где как раз готовился ужин.

– Некоторые появляются удивительно вовремя, – съязвил Франческо, дружески ткнув Данте в плечо. Он съездил домой и вернулся со своей женой Селией.

Ферн ни за что не догадалась бы, что Селия слепая. Она была весела, жизнерадостна и вертела головой, будто с удовольствием рассматривая окружавшее ее. Они завели непринужденную беседу, сидя на террасе и болтая о работе. Селия занималась тем, что делала окружающий мир приемлемым для незрячих.

– Я работаю над проектом, как сделать театры более удобными, – рассказывала она. – Например, необходимо аудиосопровождение через наушники с описанием происходящего. Пару месяцев назад мы с Франческо были в Лондоне, посетили много представлений, чтобы меня осенили какие-нибудь идеи. На одном спектакле все сходили с ума по звезде, Сандору Джейли. Говорят, он выглядит невероятно сексуально в короткой тунике. Но Франческо мне ничего не сказал, и я узнала об этом уже потом, когда в газетах появились какие-то невероятно скандальные снимки Сандора. Эй, в чем дело?

Данте резко втянул в себя воздух. При виде его испуган-

ного лица Ферн расхохоталась.

– Я сказала что-то не то? – спросила Селия.

– Вовсе нет, – выдавила Ферн, – просто...

Она коротко поведала свою историю, и Селия в ужасе прикрыла рот рукой:

– О нет! Что я наделала? Я не хотела... Пожалуйста, пожалуйста...

– Все в порядке, – поспешила заверить ее Ферн. – Я уже давно вижу во всем этом исключительно забавную сторону. О господи! – Она снова рассмеялась, затем постаралась заверить Селию, что совсем не убита горем.

Подняв взгляд, она обнаружила, что Данте наблюдает за ней со странной улыбкой, а выражение его лица можно, пожалуй, назвать восхищенным.

Послышался голос Хоуп:

– Ферн, дорогая, где вы? Мне нужна ваша помощь.

– Я вернусь через минуту. – Ферн поспешила прочь.

Селия прислушивалась к ее удаляющимся шагам и, когда они стихли, повернулась к Данте:

– Она прелесть. Тебе повезло.

– С чего ты взяла, что она моя?

– Франческо говорит, ты не сводишь с нее глаз.

– И не без причины. Есть на что посмотреть.

– Думаю, лицо у нее мягкое и доброе, как и голос. Судя по голосу, она чудо.

– Она и есть чудо, – пробормотал Данте.

– Она правда уже переболела тем парнем... ну, которого прозвали Мистер Сексуальные Ноги?

– Я уклонюсь от ответа, – бросил он через секунду. – Идем ужинать?

Тот вечер оказался одним из самых приятных вечеров в жизни Ферн. Когда солнце село, в саду зажгли фонари, и в конце концов все отошли от стола, предпочитая выпить вина под деревьями.

– Полагаю, ваша семья нашла секрет счастливого брака, – задумчиво проговорила Ферн. – Все ведут себя как влюбленные в период ухаживания, даже Тони и Хоуп – после стольких-то лет совместной жизни.

Данте кивнул:

– Хоуп считает, это заслуга Тони, милейшего человека в мире. Он всегда был очень добр ко мне. Я рад, что сейчас он счастлив, даже если жизнь ближе к закату, чем к рассвету.

– А что лучше?

– Можно только гадать.

– Гадать – еще одно из удовольствий? – улыбнулась Ферн.

Он чуть заметно пожал плечами и сменил тему:

– Пойдемте полюбуемся неаполитанским закатом.

Они наслаждались чудом, которое творилось над заливом. На одно ослепительное мгновение свет стал насыщенно красным, и, казалось, солнце вот-вот вспыхнет.

– Не важно, сколько раз я видел это, – пробормотал Дан-

те. – Никогда не надоедает. Пока в мире так много красоты... – Он замолчал.

– Вы много времени проводили здесь? – поинтересовалась Ферн.

– С тех пор как умерли родители, я, так сказать, курсировал между родственниками, жил с тетями, дядями, дедушками и бабушками. Однажды летом я приехал сюда и влюбился во все это. Здесь я почувствовал себя почти как дома.

– Это звучит так грустно – переходить от родственников к родственникам, не имея родного гнезда.

– Мне нравится, что у меня большая семья. Ничто не сравнится с ощущением, что у тебя за спиной целый клан.

– Разве нет ни одного члена клана, в котором вы нуждаетесь больше, чем в остальных?

– Хоуп и Тони стали для меня вторыми родителями. Как и вы, я единственный ребенок, зато у меня целая куча кузенов и кузин.

Наконец все снова вернулись в дом. Детей надо было укладывать спать, да и Хоуп хотела лечь пораньше. Ферн была рада возможности удалиться в свою комнату, побыть в одиночестве и подумать обо всем, что с ней произошло.

Поразмышлять о Данте Ринуччи.

Он привлекательный, забавный, сексуальный и явно не прочь поразвлечься. Поскольку она тоже не против, нет никакой проблемы, за исключением ее внутреннего голоса, который то и дело твердит: «Остерегайся!»

Но чего остерегаться? Есть в нем нечто не укладывающееся ни в какие рамки. Чепуха! Она все выдумывает.

Ферн надела ночную рубашку, взяла свой ноутбук и подсоединила его к цифровой камере. Секунду спустя она рассматривала снимки, которые сделал Данте.

Кто эта женщина с дразнящим взглядом, зазывно улыбающаяся мужчине? Не может быть! Это Данте заставил ее так посмотреть на него. Этот мужчина – прирожденный шоумен, обладающий даром вовлекать в свое шоу всех.

Послышался стук в дверь и голос Данте:

– Это я.

Ферн испустила вздох отчаяния. Она, конечно, ожидала, что он появится у ее двери, но не так скоро. Где же опытный, чуткий мужчина, чью ненавязчивость она оценила? Неужели он окажется в конце концов вульгарно банальным? Жестокое разочарование.

Пока Ферн подбирала слова для отказа, он постучал еще раз:

– Можно войти?

– Да, – поспешно отозвалась она, хватая халат и набрасывая его.

– А, вы вывели снимки на экран, – заметил он. – Я надеялся посмотреть на них. Хороший я фотограф?

– Э... да, некоторые снимки очень неплохи, – растерянно проговорила она.

Данте был полностью одет и, казалось, не замечал, что

Ферн уже переделалась ко сну. Его заинтересованный взгляд был устремлен на экран компьютера.

– Мило. Вы фотогеничны, и освещение было удачное.

Он просмотрел снимки до конца, затем в обратном порядке, потом еще раз сначала, пока не выбрал тот, который ему особенно нравился. На нем Ферн только что встряхнула волосами, и они легли мягкими волнами вокруг лица, обрамляя улыбку.

– Я бы хотел копию вот этого снимка, – сказал Данте. – Вы выглядите просто классно.

Вот он, первый ход. Следует быть осторожной.

Но трудно осторожничать, когда ты внезапно осознаешь свою наготу под тонкой рубашкой. Все тело Ферн ожило и не обращало внимания на ее попытки держать себя в руках.

– Боюсь, на это может потребоваться некоторое время, – пробормотала она. – У меня нет с собой принтера.

– Никаких проблем. Вот мой электронный адрес. Пришлите ее мне, я сам распечатаю. А сейчас я бы на вашем месте лег спать. У вас был напряженный день, а завтрашний будет еще напряженнее. – В дверях он обернулся. – Спокойной ночи. Извините, что потревожил. Приятных снов.

Дверь закрылась.

Этот звук закрывающейся двери услышала пара, умиротворенно лежащая в объятиях друг друга в спальне, расположенной чуть дальше по коридору.

– Так скоро уходит? – удивился Тони. – Данте теряет сно-

ровку. Обычно он сразу получает любую женщину, какую пожелает... На какое-то время.

– Знаю, – вздохнула Хоуп. – Как только отношения начинают становиться серьезными, он исчезает. Но можно ли его винить? Подумай, каково это – жить, зная, что... Ох, какой ужас!

– Он не позволяет никому заговаривать на эту тему, – мрачно подхватил Тони. – Ему хочется делать вид, что все в порядке, но, если застигнуть его врасплох, в глазах мальчика мелькает страх.

– Стоит ли нам рассказать об этом Ферн? – спросила Хоуп. – Ну на всякий случай?

– Предостеречь ее, ты имеешь в виду? Не сейчас. Может, позже. Данте придет в ярость, если узнает, что его тайна стала известна.

– А разве она в конце концов не выйдет наружу?

– Не знаю, – печально отозвался Тони. – Может, о ней вообще придется молчать... пока не станет слишком поздно.

Рассвет был лучшим временем суток. Чистый, прозрачный воздух придавал заливу и виднеющемуся вдалеке Везувию особую яркость. Каким спокойным выглядит вулкан сейчас, когда спит, и с каким трудом, должно быть, завоеван сей покой. Этому научила Ферн прошедшая ночь.

Она считала себя хорошо подготовленной, готовой отразить любые авансы со стороны Данте. Но когда он по-

джентльменски пожелал ей спокойной ночи и ушел, она не справилась с теми реакциями, которые нахлынули на нее.

Сначала неверие, потом ярость, ощущение потери и, наконец, смертельная обида. От одной лишь мысли о том, чтобы заняться с ним любовью, тело ее расцветало. А ему это совсем неинтересно. Да у него просто-напросто дурные манеры!

Она бы с радостью запустила чем-нибудь в дверь, которую Данте закрыл за собой. Потребовалась чуть ли не вся ночь, чтобы утихомирить вулкан в душе.

Догадался ли он о ее слабости? Ферн бросало то в жар, то в холод.

Она ощутила неотложную потребность спрятаться от Данте Ринуччи. Вчера он приходил сюда с ней полюбоваться закатом. А если появится и на рассвете?

Решив удрать, Ферн повернулась и обнаружила, что он стоит позади нее. Давно ли?

– Доброе утро, – пробормотала она, пытаясь пройти мимо.

Но он задержал женщину, легко коснувшись ее руки ладонью:

– Оставайтесь.

– Вы слишком легко отдаете приказы, – резко бросила она.

– Я оскорбил вас?

– Разумеется, нет. Но наверное, вы хотите побыть один.

– Нет, с вами.

Он повернул ее так, что она снова оказалась лицом к морю, затем встал позади, скрестив руки у нее на груди и мягко привлекая к себе. Каким-то таинственным образом его прикосновение смягчило Ферн. Она подняла руки не для того, чтобы оттолкнуть его, а чтобы положить их поверх его рук.

– Такой близкий и в то же время такой далекий, – пробормотал он.

– А как далеко отсюда Везувий?

– Около шести земных миль, но ведь он из другого мира. Когда-то, много лет назад, я слышал, как он рокотал, и это походило на волшебство. Я всегда надеюсь снова это услышать.

– Не посчастливилось?

– Пока нет. Он держит меня в ожидании.

– Возможно, он не знает, чего хочет.

– Или знает, но никак не решит, что с этим делать, – задумчиво проговорил он. – Даже когда чего-то сильно хочешь, путь не всегда ясен.

Теперь она получила ответ насчет прошедшей ночи. Данте не хочет держаться в стороне от нее, но, похоже, по какой-то причине считает, что должен. Поэтому следующий шаг за ней.

Они вернулись и обнаружили, что вилла уже просыпается. Все были взбудоражены предстоящим приездом Джастина из Англии и Люка из Рима. Представительная делегация

отправилась в аэропорт встречать Джастина, его жену и детей, а Данте и Ферн остались на вилле дожидаться Люка и его жену.

Сразу после полудня приехали Примо и Олимпия, а вскоре появилась еще одна машина, из которой вышли властного вида мужчина и хорошенькая светловолосая женщина.

– Люк и Минни, – представил их Данте.

По заинтересованным взглядам, которые они бросали на Ферн, было ясно, что уже все семейство в курсе ее истории. Минни, устроившись в своей комнате, спустилась вниз и потребовала, чтобы Ферн все-все ей рассказала. Но едва та начала, послышались крики и все поспешили во двор приветствовать гостей из Англии.

Джастин, старший сын Хоуп, был внешне суров и вначале казался не к месту в этой оживленной компании, но Ферн заметила, что на мать он смотрит с любовью и покровительственно. Так же Джастин смотрел на свою жену Эви, живую и энергичную молодую женщину.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.